

КИТАЙСКАЯ МОДЕЛЬ ПРОТИВ НЕОБИЛЕРАЛИЗМА: УСПЕХ НЕОРТОДОКСАЛЬНОЙ МОДЕЛИ ДОГОНЯЮЩЕГО РАЗВИТИЯ ЗАРАЗИТЕЛЕН

Владимир Попов, профессор Российской экономической школы

Китайская, точнее восточноазиатская, модель развития обладает неотразимой привлекательностью для всех развивающихся стран, ибо только она обеспечила беспрецедентный, не имеющий аналогов в мировой экономической истории рост. Китаю (а раньше - другим странам Восточной Азии, основанным на китайской культуре – Японии, Корее, Тайваню, странам ЮВА) удалось в послевоенный период поднять темпы роста до 7-10% и поддерживать эти темпы роста в течение нескольких десятилетий. В итоге Восточная Азия во второй половине 20 века стала по сути единственным крупным регионом, которому удалось сократить разрыв в уровнях экономического развития с Западом. Ни Латинской Америке, ни Ближнему Востоку, ни Южной Азии, ни Африке, ни бывшему СССР и Восточной Европе сделать это не удалось. Одно время, в 50-е – 70-е годы, казалось, что СССР и Восточная Европа, а также Латинская Америка сокращают разрыв с Западом. Но затем их модель импортзамещающего развития с треском рассыпалась: в Латинской Америке – после долгового кризиса начала 80-х годов, в СССР и Восточной Европе – в 90-е годы, когда они пережили падение производства, сравнимое только с «великой депрессией» 30-х годов.

Собственно говоря, именно и только в Восточной Азии находятся страны, которые смогли превратиться из развивающихся в развитые – Япония, Южная Корея, Тайвань, Сингапур, Гонконг. Других государств, сумевших догнать Запад, в мире пока нет. Два последних случая можно списать на малые масштабы – это города, а не страны, но вот первые три никуда не денешь, они, что называется, колют глаз. Тем более теперь, когда по стопам этих стран идет Китай с пятой частью мирового населения. Вдобавок ко всему, не только темпы экономического роста в Восточной Азии были выше, чем в остальном мире, но и социальное неравенство было ниже, чем в схожих по уровню развития странах, преступность – ниже, продолжительность жизни – выше.

Секрет успеха

У победы, как известно, всегда много родителей, так что почти все экономисты пытаются доказать, что головокружительный успех Китая подтверждает именно их теории. Либеральные экономисты (неоклассики) объясняют успех Восточной Азии прорыночными реформами – дерегулированием экономики, низкими налогами и относительно небольшим, но эффективным правительством, стремительным вовлечением в мировую торговлю. По их мнению, восточноазиатские «тигры» и «драконы», наконец-то, показали всему миру, на что способна рыночная экономика со стабильной валютой, открытая внешнему миру и освобожденная от бюрократических пут.

Экономисты более левого толка – от кейнсианцев до дирижистов – говорят, что открытых дерегулированных экономик в мире полно, от Аргентины до Зимбабве, однако большинство из них высокими темпами роста мир особенно не удивляли. Они указывают на либерализацию и открытие экономики в Китае в середине XIX века, после опиумных войн, в Африке и Латинской Америке в 80-е годы XX века, в бывшем соцлагере в 90-е годы (исключая Китай и Вьетнам – не правда ли, примечательные исключения?), после которых темпы роста упали, а не возросли. Наконец, они обращают внимание на сильную промышленную политику, проводившуюся практически во всех восточноазиатских странах: хотя госрасходы в этом регионе и вправду были относительно невелики, вмешательство бюрократии в хозяйственную жизнь здесь малым не назовешь. Рынок, конечно, играл свою роль в распределении ресурсов, но только после утверждения стратегических направлений правительственными чиновниками.

В 1993г. Всемирный банк опубликовал исследование «Восточноазиатское чудо: экономический рост и правительственная политика», в котором проанализировал факторы стремительного экономического роста в 1965-90гг. 8 восточноазиатских стран – Гонконга, Индонезии, Малайзии, Южной Кореи, Сингапура, Тайваня, Таиланда и Японии. Выводы оказались неоднозначными. Все экономисты признали в качестве составляющих успеха политику, направленную на создание стабильной макроэкономической среды (низкая инфляция), стимулирование сбережений и государственных вложений в образование и

инфраструктуру, привлечение иностранных инвестиций, поддержку надежной банковской системы.

Но вот, что касается промышленной политики – создания особых преференций для развития отдельных отраслей обрабатывающей промышленности через тарифную защиту, госсубсидии, госзаказы, госкредиты и т.п., – здесь особого единства не наблюдалось. В лучшем случае можно говорить о том, что Всемирный банк частично и нехотя признал, что экспортно-ориентированная промышленная политика, благоприятствующая сильным конкурентоспособным отраслям, которые и так поднимаются вверх силами рынка, может быть эффективной. То есть если правительство подталкивает структурную перестройку в том направлении, в котором она уже и так идет, то промышленная политика «может быть» полезной. Может быть, но не обязательно будет – не дано бюрократам знать лучше, чем рынку, какие отрасли в будущем будут преуспевать, а какие обречены на вымирание. И если они угадали один раз, это не значит, что угадают второй. Однако другие экономисты, напротив, считают, что успех связан с поддержкой отраслей, которые рыночная конкуренция уничтожила бы, не будь господдержки, так что потребности в продукции этих отраслей сегодня удовлетворялись бы за счет импорта.

Экспортная ориентация

Сегодня в результате прогресса экономической науки появилось гораздо более четкое понимание, почему протекционистские меры и другие рычаги промышленной политики могут быть успешными и при каких условиях этот успех достигается. *Первое требование к успешной промышленной политике состоит в том, что она должна быть экспортно-ориентированной.* Таможенная или прочая защита отечественных производителей обязательно должна дополняться поощрением экспорта, тогда это и называется экспортно-ориентированной промышленной политикой. А без поощрения экспорта протекционизм ведет только к импортзамещению.

Способов поддержки экспорта много, но главным инструментом является, как уже говорилось, занижение валютного курса через накопление валютных резервов центробанком: когда последний закупает валюту в размерах, превышающих предложение

участников рынка, то есть создает избыточный спрос на валюту, курс национальной денежной единицы понижается. Искусственная заниженность курса создает преимущества для всех производителей торгуемых товаров за счет производителей неторгуемых товаров, что позволяет стимулировать экспорт, производство и сбережения через ограничение импорта и потребления. Такого же эффекта можно в принципе добиться, манипулируя налогами, скажем, через введение импортных пошлин и экспортных субсидий. Однако занижение курса через накопление резервов – неселективный инструмент промышленной политики, имеющий очевидные преимущества перед селективными (дифференцированными по отраслям и предприятиям налогами и субсидиями) в условиях высокой коррупции.

Заниженный курс имели Япония, Корея, Тайвань и Сингапур несколько десятилетий назад, когда они еще были "бедными" и догоняли развитые страны; заниженным курсом пользуются в последние десятилетия государства Юго-Восточной Азии, поддерживая его на уровне 20-40% от паритета покупательной силы, то есть на таком уровне, что их цены при пересчете в доллары оказываются в 2,5-5 раз ниже американских. Китай упорно отказывается ревальвировать курс несмотря на нажим США, хотя его цены составляют всего 20-25% от американских, и продолжает накопление валютных резервов.

Однако простого поощрения экспорта недостаточно. Представьте теперь страну, у которой самые конкурентоспособные отрасли – нефте- и газодобыча, как в России, или производство текстиля, как в Китае. Надо ли такой стране поощрять перемещение труда и капитала из остальной экономики в эти самые конкурентоспособные отрасли? Или, чтобы довести пример до крайности, представьте, что страна специализируется на мытье тарелок или на предоставлении массажных услуг. Надо ли поощрять такую специализацию? Здравый смысл подсказывает, что ответ должен быть отрицательным, хотя бы только по неэкономическим соображениям, то есть даже если с чисто экономической точки зрения такой вариант наиболее эффективен. Каждая страна, например, желает сохранить свой язык и культуру, даже если эффективнее перейти на английский (китайский).

Недавние исследования, кроме того, показывают, что поощрение сложного наукоемкого экспорта выгодно и с чисто экономической точки зрения. И не потому, что ресурсы могут

кончиться или подешеветь, а потому, что общественная отдача от развития наукоемких производств больше, чем отдача для конкретных фирм, которые занимаются такой деятельностью. Это так называемая экстерналия, внешняя выгода, которую рынок правильно учесть не может, так что необходима господдержка, чтобы вывести развитие таких отраслей на оптимальный уровень. Экстерналию измерить очень сложно. Общеизвестно, например, что существуют значительные экстерналиальные эффекты от развития образования, здравоохранения, фундаментальной науки, так что государство должно поддерживать эти отрасли, но в какой именно мере – не вполне ясно. Во всяком случае экстерналия от развития наукоемких производств на экспорт больше, чем экстерналия от экспорта ресурсов и технически несложных товаров.

В недавних статьях Рикардо Хаусманна, Джейсона Хванга и Дэни Родрика предложен остроумный индекс сложности экспорта, который рассчитывается в два этапа. Сначала исчисляется средневзвешенный ВВП на душу для стран, экспортирующих определенный товар (из 5000 возможных товарных позиций) – получается доход на душу в гипотетической стране, которая специализируется на экспорте именно и только этого товара. Затем такой же гипотетический уровень ВВП на душу исчисляется для страны с данной структурой экспорта и сопоставляется с фактическим для этой страны уровнем ВВП – оказывается, что это сопоставление очень информативно для объяснения темпов экономического роста.

Китай, например, и в 1992 г., и в 2003 г. имел наибольший разрыв между гипотетическим и фактическим уровнем ВВП на душу, то есть структура китайского экспорта соответствовала уровню развития страны, которая в несколько раз опережала Китай по ВВП на душу населения. Да, в последние годы коэффициент такого опережения сократился – с 6 раз в 1992г. до менее 3 раз в 2003г., но это опережение все равно остается самым высоким в мире.

Собственно говоря, именно такая политика, нацеливающая национальных предпринимателей не просто на экспорт, а на постоянное усложнение экспорта, и объясняет экономический успех Китая. *В этом как раз и состоит второй принцип успешной промышленной политики: не всякий экспорт стоит поддерживать, а только тот, который дает наибольшую экстерналию, внешнюю выгоду, возникающую тогда, когда*

общественная отдача от вложений в определенный вид деятельности больше, чем отдача для конкретных фирм, непосредственно занимающихся такой деятельностью.

Технологическая зависимость

В 1992г., еще при жизни Дэн Сяопина, Китай провозгласил политику «шичан хуан цзишу», буквально «технология в обмен на рынок», то есть уступка части национального рынка транснациональным компаниям в обмен на получение от них передовой технологии при создании совместных предприятий. Со стороны, особенно с нашей, российской стороны, эта китайская политика кажется исключительно успешной: с начала 90-х годов начался массиванный приток иностранных прямых инвестиций в Китай, накопленный объем этих инвестиций достиг 500 млрд. долл., ежегодный приток в последние годы держится на уровне 50 млрд. долл.

В самом Китае, однако, политика заимствования технологии подвергается все большей критике. Китай сравнивает себя не с Россией, а с Кореей и Японией и с самим собой периода Мао, и здесь сравнение далеко не в пользу пореформенного Китая. Китай взорвал свою первую атомную бомбу в 1964г., через 15 лет после СССР и 19 лет после США; в 1970г., всего на 13 лет позже СССР, запустил первый спутник. Однако строительство атомных станций началось в Китае лишь в 80-е годы, а первая сконструированная в Китае атомная станция «Циньшань-1» вступила в строй только в конце 1991г.; первый непилотируемый космический корабль был запущен в 1999г., первый китайский «тайконавт» поднялся в космос в 2004г. – 34 года спустя после запуска первого спутника. Собственные большие самолеты вообще не производятся в Китае до сих пор, хотя при Мао страна была близка к созданию собственной авиационной промышленности. Китайские авиа инженеры до сих пор не могут простить Дэн Сяопину, что он прекратил все работы по собственному китайскому самолету в начале 80-х годов, когда таковой уже был создан в металле и летал в экспериментальном варианте.

В 2004г. китайский журнал «Шан У Чжоукань» («Business Watch Magazine») опубликовал статью с характерным названием “Переосмысление стратегии привлечения прямых иностранных инвестиций – политика “рынок в обмен на технологию” полностью

провалилась?” В этой статье, среди прочего, профессор Пекинского университета Лу Фен на основе своих исследований автопромышленности заключил, что отрасль уже попала в порочный круг “отсталость – закупки технологии – отсталость” (сейчас 90% китайского авторынка контролируется ТНК).

Лу Йаньхуа, заместитель министра науки и техники Китая, в ноябре 2005г. выступил с развернутой критикой политики “рынок в обмен на технологию”, назвав ее самообманом. Китай и Корея стали закупать ядерные реакторы за границей практически одновременно, сказал он, но теперь Корея продает их за рубеж, а Китай продолжает их импортировать. Между тем, с начала 70-х годов Китай разрабатывает свои реакторы по 300 тысяч и 600 тысяч киловатт, но энергетики предпочитают покупать иностранные с мощностью 900 тысяч или 1 миллион киловатт, так что собственные НИОКР в этой сфере пришли в запустение.

Очень часто ТНК после покупки китайских предприятий увольняют научно-исследовательский персонал, как это сделал “Фольксваген” после приобретения “Шанхай авто” и “Чанчунь авто”. По словам Лю, корейское правительство с самого начала придерживалось четкой политики: технология может быть куплена за границей только один раз, а госфинансирование распределяется в пропорции 1/5 на импорт технологии и 4/5 – на приспособление к местным условиям и собственные НИОКР. В Китае такая пропорция сегодня 1: 0.08.

*

*

*

В общем политика, которую большинство в мире считает сказочно успешной, в Китае критикуется со всех сторон. Но, все равно, китайская модель после краха СССР за пределами Китая, для развивающихся стран стала вне всякого сомнения самой притягательной – от Бразилии до Фиджи. Все больше экономистов и политиков в самых разных странах Юга признает, что не только рынок, но и правительство должно внести свой вклад в экономических успех, в частности путем проведения экспортно-ориентированной промышленной политики, то есть создания налоговых, кредитных, таможенных и прочих преференций передовым отраслям и предприятиям, нацеленным на внешние рынки. Это

прямо противоположно неолиберальным рецептам США и объективно противоречит их интересам по сохранению мирового лидерства. Если все «экономические чудеса» в мире случились не благодаря советам международных финансовых институтов и США по либерализации экономики, а вопреки им, как в Восточной Азии в целом и в Китае в частности, то, значит, США объективно проводили политику, направленную на торможение экономического роста Юга? А если все развивающиеся страны завтра выстроят свою экономическую стратегию «à la китайская модель», что же станет с неолиберализмом? Понравится ли это США? Ну и, наконец, если все развивающиеся страны начнут расти по 10% в год, как Китай, и в конце концов догонят США и Запад, что станет с американским лидерством?